

Время на время возрождаются демократические порядки, которые, однако, являются уже не выразителями прежнего мира и согласия, а проявлением в среде гердастана непримиримых противоречий (стр. 133). В заключение работы автор вновь суммирует все основные выводы, отмечая также значительные факторы, которые оказывали влияние (затормаживающее или ускоряющее) на ход развития армянской семейной общины. В целом работа Э. Т. Карапетяна, в которой на конкретном армянском материале исследуется предложенная М. О. Косвенном схема развития большой семьи, представляет значительный интерес и, несомненно, является заметным вкладом в историко-этнографическую литературу об Армении.

В. Кобычев

Б. В. Лунина. *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917)*. Ташкент, 1958, 320 стр.

До середины прошлого столетия Средняя Азия была известна мировой науке преимущественно по сообщениям отдельных путешественников, которые не только не давали исчерпывающих и обобщающих сведений по истории экономической и культурной жизни среднеазиатских народов, но порой сами факты передавали в искаженном виде. Со второй половины XIX в., после присоединения среднеазиатских ханств к России, начинается более широкое изучение края. Непосредственные наблюдения над жизнью и бытом местного населения, как и над памятниками материальной и духовной культуры, а также открывшийся доступ к местным рукописным источникам создали более благоприятные условия для накопления и изучения историко-археологических и этнографических материалов по Средней Азии.

Преодолевая косность местной администрации, передовые русские ученые и краеведы шаг за шагом развертывали неутомимую деятельность по изучению природы и истории обширного Туркестанского края. Выдающийся критик-демократ В. В. Стасов отзывался, что в те времена «на обязанности наших исследователей лежало передать во всеобщее известие как России, так и Европы, о тех художественных и этнографических сокровищах, которые таятся в неведомых до сих пор среднеазиатских странах», в отношении которых «издревле мы чувствуем взаимное влияние, находясь в старинных связях и близких отношениях»¹.

В выполнении этой благородной задачи большую роль сыграли создававшиеся в то время по инициативе виднейших русских ученых различные научные общества — Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛИА), Туркестанский отдел Русского географического общества, Туркестанское общество сельского хозяйства, ташкентские отделения Русского технического общества, Общества востоковедения и другие.

Изучению деятельности одной из дореволюционных научно-краеведческих организаций и посвящена рецензируемая книга Б. В. Лунина, представляющая собой одну из немногих публикаций историографического характера по Средней Азии, а частично и по русскому востоковедению вообще.

В основу работы положено освещение более чем двадцатилетней деятельности Туркестанского кружка любителей археологии. Этот кружок внес заметный вклад в дело накопления первичных материалов и фактических данных о памятниках материальной и духовной культуры народов Средней Азии. Следует отметить, что деятельность названной организации получила у Б. В. Лунина исчерпывающее освещение.

Б. В. Лунина убедительно показывает, что Туркестанскому кружку любителей археологии, как и другим научным обществам, приходилось работать в трудной обстановке, не находя поддержки со стороны царской администрации, располагая мизерными, часто случайными средствами и весьма ограниченными кадрами.

К работе Туркестанского кружка любителей археологии приложили слова о том, что научные общества России конца XIX и начала XX в. «не носили официального характера, никогда не отдавали себя на службу царизму» и имели «преимущественно общественный характер»².

Заслугой автора является то, что, исходя из указания В. И. Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре, он сумел показать наличие, с одной стороны, — демократического, с другой — буржуазно-дворянского течений в деятельности Кружка. Из книги явствует, что с самого начала создания ТКЛИА в нем действовали носители двух тенденций: с одной стороны, — сановники, генералы, высокопоставленные чиновники и прочие выразители реакционных политических взглядов, представители царской администрации типа известного туркестановеда Н. П. Остроумова; с другой стороны, — выразители настроений прогрессивно мыслящей интеллигенции: учителя, врачи, инженеры, агрономы, рядовые служащие и чиновники. Именно эта часть членов Кружка и внесла значительный вклад в прогрессивное направление туркестановедения.

¹ В. В. Стасов, Собр. соч., т. II, СПб., 1894, стр. 696.

² С. П. Толстов, Этнография и современность, «Сов. этнография», 1946, № 1, стр. 6.

Критический подход к изучаемым материалам позволил автору книги дать объективную характеристику работы Кружка в целом и наиболее активных его представителей, из числа которых вышел ряд крупных ученых, чья деятельность в значительной мере развернулась уже при Советской власти (М. С. Андреев, Н. Г. Маллицкий, А. А. Семенов и др.).

Автор справедливо подчеркивает, что Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории, вызвала глубокий раскол в среде дореволюционной интеллигенции, из которой вышли многие члены ТКЛА. Некоторые из них будучи в прошлом представителями царской администрации (Н. П. Остроумов, Н. С. Лыкошин), оказались не у дел. Известный своими трудами, в частности в области этнографии, в свое время человек прогрессивных взглядов В. П. Наливкин, представлявший в годы первой русской революции, по выражению В. И. Ленина, явление «персонального перехода от буржуазии к пролетариату»³, в силу своего неустойчивого по мировоззрению оказался впоследствии в плену меньшевизма и наложил пятно на свое имя попытками бороться против молодой Советской власти. Большинство же активных деятелей Кружка, хоть и не сразу, но осознали и приветствовали Советы и включились в дело строительства социалистической культуры.

Б. В. Лунин воскрешает в памяти читателей такие яркие страницы истории Кружка, как открытие его сочленами ряда редких наскальных изображений (Саймалы-Таш, так называемые Боролдайские письмена и др.), древнетюркских (орхонских) надписей в долине р. Таласа, сирийско-несторианских надписей на христианских кладбищах Семиречья, знаменитых Бия-Найманских оссуариев, остатков прославленной самаркандской обсерватории Улугбека и др. Освещается также деятельность Кружка по учету и описанию различных памятников древности, архитектурных сооружений Туркестанского края, проводившиеся Кружком археологические разведки и раскопки, работы его в области эпиграфики, нумизматики, письменных источников, фольклора и этнографии. Достоинством этой части книги Б. В. Лунина является стремление автора проследить процесс изучения соответствующих памятников материальной и духовной культуры вплоть до наших дней, используя для характеристики их научной значимости новейшие выводы советских исследователей — археологов, этнографов, искусствоведов и историков архитектуры. Это повышает ценность рецензируемой работы как историографической сводки большого материала по истории изучения памятников прошлого Средней Азии.

В основном тексте книги автор уместно цитирует забытые высказывания прежних исследователей, воспроизводит их формулировки, что, кстати сказать, позволяет хорошо передать колорит времени деятельности ТКЛА. Можно, однако, упрекнуть автора в том, что в ряде случаев его благое начинание в этом отношении во многом обращается в свою противоположность. Временами он явно теряет чувство меры и с излишним усердием воспроизводит одну цитату за другой. Вследствие этого иногда бывает трудно уловить существенные мысли и рассуждения автора по тому или иному вопросу.

Не всегда равномерно освещен автором научных заслуг отдельных туркестановедов. Возьмем, к примеру, такого известного деятеля, как фольклорист и этнограф Абубекр Ахмеджанович Диваев (1856—1932). Б. В. Лунин досконально собрал все, что характеризует А. А. Диваева как археолога-краеведа. Это хорошо. Однако занятие археологией никогда не стояло на первом плане деятельности А. А. Диваева, и в этой области он не оставил значительного следа в науке. Гораздо большей и заслуженной известностью пользуются его фольклорные и этнографические наблюдения. Между тем как раз именно этой стороне дела в книге уделено значительно меньше места.

При всем этом рецензируемая книга заслуживала бы меньшего внимания, если бы ее содержание ограничивалось лишь освещением истории одной из дореволюционных краеведческих организаций Туркестанского края. Несомненным достоинством книги Б. В. Лунина является то, что по своему содержанию она далеко выходит за рамки своего скромного названия. Фактически перед нами одна из немногих пока работ, освещающих ряд важных страниц из истории русского востоковедения в целом.

Автор правильно считает, что смысл работы по истории ТКЛА прежде всего заключается в том, что деятельность Кружка, его открытия вызывали живейшее участие и интерес многих крупных русских востоковедов своего времени, вели к возникновению научных дискуссий в общероссийском масштабе, как, например, в вопросе о датировке и правильном чтении орхонских и несторианских надписей. Открытия Кружка порождали обширную литературу. Деятельность таких известных представителей русского востоковедения, как В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, К. А. Инostrанцев, П. К. Коковцев, И. Ю. Крачковский, В. И. Тизенгаузен, В. В. Радлов, В. Р. Розен и другие, внесших большой вклад в науку, также связана с изучением истории Средней Азии.

В нашей литературе много и справедливо говорится о том, что одним из важных прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России является большой вклад русских ученых в изучение природы и истории края, усиление влияния передовой русской науки и культуры. Практически, однако, именно эта тема, пока недостаточно разработана. Многие авторы, освещая эти вопросы, ограничиваются преим

³ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 312.

ществено общими положениями, не всегда подкрепляемыми конкретными данными. Б. В. Лунин же на отдельных примерах убедительно показывает, что действительный вклад русской науки, и в частности востоковедения, в изучение Средней Азии, до сих пор полностью не оценен и был значительно больше, нежели об этом можно судить по имеющимся в литературе данным.

Глава «В. В. Бартольд и Туркестанский кружок любителей археологии» имеет самостоятельное значение, так как в значительной степени основана на впервые вводимой в научный оборот неопубликованной переписке В. В. Бартольда с членами ИЛИА. В тексте главы содержатся данные, имеющие большое значение для понимания социальных взглядов этого крупнейшего ученого и уяснения многих сторон русско-востоковедения в целом. Автор пытается развить и частично уточнить положения известной статьи А. Ю. Якубовского о Бартольде⁴ и дает развернутую оценку его научной деятельности. Не со всеми доводами и формулировками автора можно согласиться. Но в целом перед нами серьезная и назревшая попытка определить место и роль В. В. Бартольда в русской и мировой науке с позиций марксистско-ленинской историографии.

Хочется пожелать, чтобы автор продолжил свое исследование, изучив и обобщив вклад советских научных учреждений и обществ в изучение богатейшего прошлого и настоящего настоящего братских народов социалистических республик Средней Азии.

Необходимо особо отметить обильный научный аппарат книги, в котором дано до полудтора тысяч подстрочных примечаний, содержащих множество ссылок на архивные источники и литературу, в том числе на множество малоизвестных, затерянных публикаций, давно уже ставших библиографической редкостью. С этой точки зрения научный аппарат рецензируемой книги сам по себе является ценным библиографическим указателем, пользование которым окажет немалую помощь специалистам, занимающимся историей изучения Средней Азии.

Приходится пожалеть, что в книге совершенно неоправданно отсутствуют составленные автором (как это следует из введения) географический, именной и предметный указатели к «Протоколам и сообщениям» Кружка. Книга⁵ не свободна от опечаток. Иногда автор злоупотребляет излишней детализацией подстрочных примечаний за счет сугубо частных и лишенных большого значения данных. Встречаются отдельные фактические неточности. Так, на стр. 96 неверно указан год смерти этнографа М. С. Андреева — 1947 вместо 1948.

Книга иллюстрирована рядом редких портретов В. Л. Вяткина, А. А. Диваева, Н. Г. Маллицкого и др. К сожалению, по непонятным причинам отсутствуют портреты такого видного этнографа, как М. С. Андреев, первооткрывателя орхонских надписей в долине Таласа В. А. Каллуара, военного инженера археолога Б. Н. Кастальского.

Вызывает удивление, что полезная книга Б. В. Лунина выпущена издательством Академии наук УзССР ничтожным тиражом — в 650 экземпляров, вследствие чего уже через несколько дней по выходе ее в свет она сделалась недоступной для заинтересованного читателя.

И. Джаббаров

⁴ А. Ю. Якубовский, Проблема социальной истории народов Востока в трудах влад. В. В. Бартольда, «Вестник Ленинградского ун-та», 1947, № 12, стр. 62—79.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Н. Р. Гусева. *Современное декоративно-прикладное искусство Индии*. М., 1958, 3 стр., 112 табл., 11 цв. вклеек.

После выхода в свет в 1927 г. небольшой книжки А. М. Мерварта, носящей характер каталога, но содержащей ряд интересных сведений о некоторых индийских ремеслах¹, в советской индологической литературе не появлялось ни одного обобщающего труда, посвященного художественным ремеслам Индии — этой древней и самобытной области индийской культуры. Поэтому книга Н. Р. Гусевой очень ценна как для индологов, так и для широких слоев читателей, проявляющих с каждым годом все больше интереса к культуре дружественного народа Индии. Появление в СССР такой книги знаменательно еще и тем, что оно свидетельствует о внимании советской общественности к вопросу, который имеет сейчас большое значение для индийского народа, — к вопросу о возрождении различных форм национальной культуры, заглушенных за время колониального английского господства. Возрождение и расширение кустарных

⁵ А. М. Мерварт. Отдел Индии. Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ, Л., 1927.